

УДК 93.929+8.821.161.1

**ПУШКИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

© 2017 г.

В.А. Фортунатова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

fortunatova2@mail.ru

Поступила в редакцию 01.12.2016

Художественный гений Пушкина включает в себя его важнейший компонент – историчность творческого сознания. Свойственное ему восприятие истории сквозь призму отдельной личности не исключает, а лишь усиливает художественную логику, помогающую масштабировать образную коллизию до уровня бытийственной идеи. Выделенная в статье концепция русского Средневековья позволяет проследить автобиографическую направленность этой темы для Пушкина, его творческий поиск действий и характеров, стремление извлечь уроки исторической нравственности, активизировать художественное мышление. Средневековье предстает как модель диалога поэта с настоящим, фактор ориентации личности в культурно-исторической среде.

Ключевые слова: трансисторизм, поликонцептуальность, образ-понятие, семиотическая практика, игра, динамика, миф, архетип.

Средневековье как исток творчества

Средневековье сегодня предстает как обобщенный образ-понятие, объединяющий в себе хронологические параметры, требующие исторического подхода к их определению и истолкованию. Вместе с тем это содержательный концепт, расширение его границ идет за счет актуального контента, вступающего в диалог с историей и получающего образное воплощение [1, с. 55]. Эклектичность содержания Средневековья, очертания которого неоднократно изменялись в ходе эволюции представлений о нем, а ныне оказывается зеркальной фигурой современности, порождает поиск общедисциплинарного дискурса как источника утраченного нами опыта, объединяющей силы и самоидентификации. Для успешных результатов подобного искания необходима актуальная семиотическая практика, выдвигающая модель диалога Средневековья с настоящим. Таким проводником-медиатором в пространстве русской истории выступает А.С. Пушкин. С его помощью гнозис отечественного Средневековья сопровождается для современников отказом от модусов европоцентризма и передает основные понятийные структуры в русской культуре.

Выявление и формирование «смыслов истории» – это отбор и обобщение, историческая аналитика, требующая высокого уровня абстрактного мышления и коллективных усилий специалистов разного профиля. Вместе с исторической семантикой возникает и сопутствующая ей проблема аксиологической памяти, имеющая как ретроспективное, так и актуаль-

ное нравственное измерение [2, с. 159]. Такая методологическая проблема возникла в отечественной гуманитаристике еще в XVII веке, когда история стала колыбелью русской словесности, поэтической лабораторией, в которой выработывались маршруты перехода от историзма к авторскому художественному вымыслу. Жития, обработка былин, исторические, сатирические, бытовые повести передавали не столько воспоминания старины, сколько связи древнего порядка вещей.

Академик Д.С. Лихачев отмечал, что «ни одна страна восточноевропейской литературной общности XI–XVI вв. не имела такой развитой исторической литературы, как Россия» [3, с. 15]. И вслед за В.В. Виноградовым он подчеркивал, что «сознание исторической изменчивости стиля и языка появляется только в начале XIX в. Пушкин был первым, кто ощутил в полной мере различие стилей литературы по эпохам, странам и писателям» [3, с. 23]. В его родословной и творчестве мы наблюдаем парадоксальное и вместе с тем продуктивное наследование исторической традиции отечественной литературы, которое одновременно открывало поэту взгляд на мир и современность.

Карамзинское направление в России, совпавшее по функции и значению своего воздействия на литературу с философией истории Гердера в Германии, способствовало возникновению «великих картин прошлого», «драгоценных красок старины», то есть приблизило русское Средневековье к поэтическому воображению художников слова и людей, озабоченных тем, что Россия слишком мало известна рус-

ским. Пушкин в своих заметках о новой системе учения писал: «историю русскую должно преподавать по Карамзину. Его творение есть не только вечный памятник, но и алтарь спасения, воздвигнутый русскому народу» [4, с. 316].

Диалоговая концепция

Поэт испытывал к прославленному историку совершенно искреннее чувство признательности за внимание к своему роду, описанию которого нашлось достойное место на страницах исторической летописи: «Могучих предков правнук бедный, люблю встречать их имена в двух-трех строках Карамзина...» [5, с. 101]. Остроумное *изыскание истины*, поиск действий и характеров, использование красок нравственных размышлений – это поэтическая школа истории для Пушкина, а сама тема русского Средневековья приобрела для него личностно-автобиографический характер. Н.М. Фортунов отмечает, что «история Пушкиных была историей России», а в его родовой герб по праву включены символы воинской доблести и гражданской власти [6, с. 20].

Опираясь на «эпоху самозванцев» как на основу возврата к своим корням, Пушкин создает модель диалога средневековой России с актуальным настоящим. Он сформулировал эту концепцию в своей рецензии на второй том «Истории русского народа» Полевого (1830). В ней он сталкивает два понятия – феодализма и «аристократии», подчеркивая, что последняя еще «ожидает русского историка». Феодализм, ставший необходимым истоком европейского Средневековья, а также формой частности и независимости, в России не получил своего воплощения. Ибо он, не успев родиться и получить развитие в силу определенной политики Иоанна III, Иоанна IV и общего искусства управления государством Романовых, был задушен. Взамен его Пушкин выделяет особую категорию – «аристократию» – наследственную, могущественную, гордую и связующую. К ней он относил людей чести и культуры, а еще поэтов, при этом поэтический гений Державина для него сопоставим по мощи своего выражения с военным гением Суворова. Рассматривая русскую *аристократию* как некую общность [4, с. 126], Пушкин указывает также на ее наследственность, то есть транслируемость, оказавшую воздействие на отечественную культуру.

В Средневековье, по наблюдениям поэта, возникло третье сословие, парламентаризм, отражавший оппозицию древности и сопротивление современности. Это обстоятельство способствует еще и пониманию противоречивого от-

ношения Пушкина к Карамзину. Помимо начального и подчеркнутого ученичества, кроме благодарности за память о своих предках, у Пушкина есть определенный скепсис по отношению к гражданской позиции «тишайшего» историка. В эпиграмме, принадлежность к которой ему приписывается, находим такие язвительные строки, ставшие широко известными: «В его «Истории» изящность, простота / Доказывают нам без всякого пристрастья/ необходимость самовластья / И прелести кнута» [7, с. 17].

Называя себя «новым Ходаковским», т.е. еще одним известным историком, занимавшимся древностью, Пушкин ставит его в ряд с Карамзиным, Ермолаевым, Востоковым и при этом указывает, что все они не были поэтами [8, с. 147–148], так что его собственная «новизна» заключается в объединении этих двух ипостасей.

Архетипы средневеково-символического

Действительно, поэзия древности вошла в его искусство слова уже с первых творческих шагов. Характерна как пример сказочно-историческая поэма «Руслан и Людмила» (1820), где «дела минувших дней, / Преданья старины глубокой» отнесены к правлению «Владимира-солнца» [9, с. 9]. Созданная по канонам рыцарского идеала, отражающего яркость и остроту жизни, воплощающая в ткань повествования его начала (доблесть, честь, любовь), поэма представляет собой первое художественное изображение Пушкиным русского Средневековья, за которым последуют его мифологемы-сказки, а отзвуки этих воплощений войдут в структуру его зрелых произведений, да и в саму историческую логику поэта. Древний Киев в «Руслане» – один из героев произведения, предстающий в разных исторических ракурсах, а по своей художественно-смысловой функции топосного обозначения действия в пушкинских произведениях он подобен Петербургу в «Онегине».

Но подлинным гимном Средневековью стала «Песнь о вешем Олеге», представляющая собой поэтическую обработку летописного рассказа киевского князя. Отпечаток античного мифа с его семантическими доминантами – свобода и рок – ощущается в общем колорите стиха. Однако здесь есть и обращение к первоисточкам бытия, к тем первоосновам, о которых писал Н.А. Бердяев в этюдах о «Новом средневековье», отмечая свойственное этой эпохе погружение во тьму, в глубину, в недра [10]. Пушкин, осознавая себя человеком нового времени, напротив, пишет: «Я каждый день, восстав от сна, / Благодарю сердечно бога/ За то,

что в наши времена/Волшебников не так уж много» [9, с. 50].

В стихотворении «Олегов щит» (1829) – отклике на поход русских войск к стенам Константинополя – Пушкин вспоминает уроки исторической нравственности и воспекает великодушные русской рати, не ставшей повторять разрушительную страницу истории: «Твой холм потрясся с бранным гулом, / Твой стон ревнивый нас смутил, / И нашу рать перед Стамбулом / Твой старый щит остановил» [11, с. 166]. Точные и убедительные свидетельства истории яснее художественных убеждений и утверждений, ибо они основаны на фактах, позволяющих восстановить контур времен, связь событий и поступков людей. Однако чешский ученый-литературовед Йосеф Догнал справедливо утверждает, что рядом с исторической существует «какая-то другая правда» – правда ощущений, различных точек зрения, взглядов, ценностей, т.е. того, «как себя в данную пору чувствовал, что ощущал и какие *выводы* на основе своих ощущений делал человек как индивид» [12, с. 9]. Именно этой правдой, не имеющей, может быть, исторического значения для объективного понимания русского Средневековья, но являющейся необходимой для разностороннего подхода к человеку в мире истории, владел Пушкин, центр внимания которого перемещался с исторических персонажей на самого себя, а затем и на своих героев, ставших олицетворением человеческого бытия.

Человек бунтующий

Примечательно, что пространства древней России объединили двух вольнолюбцев – А.Н. Радищева и А.С. Пушкина – в разработке сходного замысла: сказочной поэмы «Бова». Оставив в стороне «ироико-комическую» трактовку сюжета, на которой обычно заканчивается анализ этой эпической поэмы Пушкина, соперничество автора с «сыном Мома и Минервы», как он определял Вольтера, намекая на его «Орлеанскую девственницу», выделим в «Бове» факт вступления Пушкина на «путь освоения вольнолюбивых и критических традиций в русской и мировой литературе» [13, с. 123].

Известен его план о единоборстве Мстислава Удалого (сына Владимира и брата Ярослава Мудрого с косоожским (черкесским) князем Редедей. Поэма «Вадим» (1822) примечательна его интересом не только к русскому историческому прошлому, соперничеством в разработке этого сюжета с В.А. Жуковским, признавшим себя «побежденным», но и самим фактом обращения к личности русского тираноборца, леген-

дарного героя восстания новгородцев против князя Рюрика. Поэма также осталась незавершенной, однако в ней содержатся детали, образы, фразеологизмы предстоящей поэмы «Медный всадник» (1833) – «берег дикий и крутой» «суровый край» и др. Сходное «царство Перуна» предстанет и перед Петром I, когда он задумает строительство северной столицы. Подобные структурно-семантические совпадения не относятся лишь к сфере пушкинской поэтики, но дают толчок для осмысления роли Петра I, которому для создания Нового времени пришлось по-своему повторить русское Средневековье с его героями и творцами.

«Борис Годунов» (1825) как пушкинский опыт осмысления средневековых событий на русской сцене прошел интерпретацию с самых разных сторон, но все еще остается во многом неразгаданным творением, «безмолвствующим» в ответ на усилия поставить его на реалистический пьедестал, назвать «народной драмой» и расставить исторические акценты в эпохе Смуты. Пушкин обращается к высокой трагедии на материале русской истории и строго следует канонам создания этого жанра, раскрывая их собственным художественным опытом и чутьем. Прежде всего он ссылается на великий труд Н.М. Карамзина, а точнее – на 11-й том его «Истории государства Российского». Причем делает это подчеркнуто – и в Посвящении, которым открывается трагедия, и в письме к Н.Н. Раевскому (сыну), где Пушкин указывает, что перед ее прочтением необходимо обратиться к последнему тому Карамзина. «Она полна славных шуток и тонких намеков, относящихся к истории того времени, вроде наших киевских и каменных обиняков. Надо понимать их – *sine qua non*» [14, с. 395].

Исторический сеттинг

Историческая драма, полная шуток, – это несколько непривычный подход для современников Пушкина, но согласуется с положением Аристотеля, который в «Поэтике» подчеркивал, что трагедия возникла из представления сатиров, а «затем из малых фабул явились большие произведения, и диалог из шуточного, так как он развился из сатирической драмы, сделался величественным поздно» [15, ст. 1070].

Трагедия Пушкина также основана на «разыгрывании мифа», подобно сатирической стадии зарождения, о которой упоминал греческий философ, когда она имела шуточный стиль и плясовой характер. Только в качестве мифа в ней выступает народный слух об убийстве Борисом Годуновым царевича Дмитрия. Варианты

к основной редакции заглавия трижды выделяют эту скоморошью традицию в основе произведения. 1. «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»; 2. «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве – писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 на городище Воронице»; 3. «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Писал раб божий Алекс, сын Сергеев Пушкин в лето 7333 на городище Воронице» [16, с. 290].

Игровая природа текста, создающая напряженное пространство экстремальных событий, сказалась и в характере представленных в нем героев. Они получают свое развитие в сценарии исторической игры. Ее нарративная (то есть повествовательная) часть складывается из сеттинга, сюжета и текста. Понятие сеттинга в контексте «Годунова» получает значение «мир исторического театра». Как отмечает Роберт Макки, подобный вторичный мир, основанный на существовавшем, обязан подчиняться сходным принципам причинно-следственных связей [17, с. 79]. Карамзинская история и пушкинская альтернатива к ней тесно переплетены, но у историка и поэта в данном случае разные цели и задачи. «Зритель должен забыть – по большей части, время, место, язык; должен усилием воображения согласиться в известном наречии – к стихам, к вымыслам» [18, с. 39], – утверждает поэт, восставая против французских *своенравных* правил.

Пушкин создает новый зрелищный мир истории, из которого исключаются однообразие, догматизм не доказанных суждений, абстракция и чрезмерная натуральность, в противовес которым возникает особая поэтика динамизма. В его «Годунове» изолированные друг от друга сцены следуют как удары грома, что усиливает впечатление быстроты происходящих в России переломной эпохи событий со всем драматизмом их последствий. Отечественную историю персонифицирует отец Пимен. Н.М. Карамзин и Пимен-летописец, историк и персонажный тип, сближаются не только собственными задачами, но и самой фигурой автора. А.С. Пушкин тоже стремится, «пыль веков от хартий отряхнув», переписать «правдивые сказанья» [16, с. 17], дабы поведать потомкам «земли родной минувшую судьбу». Оказавшийся рядом с ним в келье Чудова монастыря, Григорий пытается догадками восстановить ход мыслей старика, перечисляя возможные векторы его исторического соучастия, – темное владычество татар, свирепые казни Иоанна, бурное новгородское Вече, прославление Отечества. Духовный по-

двиг старца он объясняет его личным участием в созидании истории, однако и Пимен также не свободен от ее мифологизации. Рассказ об убийстве царевича Дмитрия предстает в его изложении как библейский сюжет, предвещающий мирской и божий суд убийцам. В исторический контур событий по воле автора включен и его пращур Пушкин, который дополняет летопись характеристикой своей современности – исчезновение знатнейших родов, реформы, подрывающие боярскую власть, неверность рабов, готовых продать отечество по первому побуждению. Полнее всего такую позицию выразит чернец Варлаам: «Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: все нам равно, было бы вино» [16, с. 28]. Эпический размах игровой концепции выражен в тексте еще и акцентным объединением истории и географии растущего Российского государства. Царевич Федор над «чертежом земли московской» и святой отец Пимен над своим творением воплощают смысловую динамику метафоры прошлого и будущего страны.

В истории человечества игра как деятельность старше искусства, поэтому люди, творящие историю, становятся ее игроками часто против своей воли. Исторический сеттинг в трагедии имеет свой модуль, то есть цепочку ключевых мест, персонажей и поворотов сюжета, обусловленных слухами об убийстве царевича Дмитрия. Этот сложный исторический узел предстает как народная версия развития драматических событий, но сам сюжет игры основан на механике узнавания, догадки, предположения, сопровождаемых эмоциональным комплексом – ужасом, сочувствием, страхом, состраданием.

Противостояние Бориса и Дмитрия многозначно по смыслам и психологической аргументации. Поэтика трагедии выводит их как систему взаимоотражающих зеркал, когда каждый из них играет свою роль, но оба они адекватно соответствуют общей художественно-исторической стратегии автора. Первый развернутый монолог Бориса раскрывает его душевное состояние на шестом году правления. Его тревожит предчувствие «небесного грома и горя». Он не знает, как и чем успокоить народ, которому помогал и в голод, и в огонь, но так и не вызвал доверия к себе. Ему неизвестно семейное благополучие, его имя окружено репутацией убийцы, а душу изводит морозная язва беспокойной совести. Мифологема царя – убийцы управляет пушкинским героем, организует его взаимодействие с остальными действующими лицами, способствует движению сюжетной линии. Борис Годунов оказывается внутри мифа, играющего символическими формами в виде мыслей, оценок, реплик. Он предстает в окружении уби-

того Младенца-призрака, Самозванца, Юродивого. Царь выходит за пределы собственной природы и своего реального бытия, так что его внезапная кончина становится окончанием мифологической игры с исторической истиной.

Формат взаимодействия Пушкина с историей в «Борисе Годунове» оказался весьма плодотворен для его собственного и всего последующего развития отношений литературы с историческим дискурсом [19]. Творческая прозорливость «угадчика», как неоднократно определял Достоевский пророческие и указующие усилия русского гения [20, с. 442], осознавалась новейшей художественно-философской концепцией истории, что привело, по мнению Алана Роб-Грийе, к созданию многочисленных лонгселлеров [21, с. 121]. Знаменитый «отец нового романа», рассказывая о своем становлении писателя, упоминает Бориса Годунова в паре с Макбетом как образы, питавшие его ум и душу, поскольку мгновения их ярких, сжатых и насыщенных судеб вклинились в жизненную цепь самого Алана Роб-Грийе [21, с. 158]. Это признание весьма показательно, так как в нем отразилась диалектика взаимоотношений исторической и художественной правды. Утверждая свое понимание истории, писатели фактически отменяют давление подлинности, поскольку «правда образов оказывается куда выше правды факта и правды логического умозаключения» [22].

Пушкин предлагает «очеловеченную версию» исторического процесса, создавая таких героев, которые воплощают в себе понятие Платона (диалог «Парменид») «единое множество». Вслед за «Годуновым» он продолжит опыт «драматургического человековедения» в «Маленьких трагедиях», каждая из которых синхронизирует внутриличностный ритм своих героев со всебытийным [23, с. 135]. Стремление перевести внутреннее зрение писателя во внешнее правдоподобие созданного им произведения увенчалось созданием гениальной трагедии на всемирной Сцене человеческого бытия. Нынешние усилия «приобщить» современника к истории за счет перевода ее сюжетов в игру [24] не достигают своей цели, поскольку «игра в человека» все еще не обрела своего создателя в актуальном художественном пространстве. Русское Средневековье стало для Пушкина своего рода античным опытом, в котором он извлекал исторические идеалы, указывающие путь его современности.

Список литературы

1. Рягузова Л.Н. Образ-понятие средневековья в эстетическом сознании XX века // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 1 (48). С. 55–58.

2. Фортунатова В.А. Изменения культурного поля как фактор исторической динамики // Диалог мировоззрений: историческая память в условиях общественных изменений: Материалы XIII Международного симпозиума 27–29 мая 2015 г. / Под общ. ред. А.В. Дахина. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. 202 с.

3. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Ленинград: Наука, 1967. 372 с.

4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. 600 с.

5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 5. М.: Воскресенье, 1994. 543 с.

6. Фортунатов Н.М. Филологический детектив. Пушкин: загадки Болдинской осени. Б. Болдино; Саранск, 2011. 244 с.

7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 2. М.: Воскресенье, 1997. 1352 с.

8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 12. М.: Воскресенье, 1996. 588 с.

9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 4. М.: Воскресенье, 1994. 514 с.

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон, 2002. 448 с.

11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 3, кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. 635 с.

12. Догнал Й. Русская «малая проза» рубежа XIX–XX веков в контексте изучения европейских моделей мира. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 184 с.

13. Куканов А.М. К проблеме традиции и новаторства в «Руслане и Людмиле» Пушкина и роль радищевского начала // Проблемы поэтики и истории литературы: Сборник статей Мордовского гос. ун-та им. Н.П. Огарева, Саранск: Изд-во ун-та, 1973. 272 с.

14. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 14. М.: Воскресенье, 1996. 578 с.

15. Аристотель. Поэтика [Электронный ресурс]. Режим доступа: libok.net/writer/4021/kniga/...aristotel/poetika/read (дата обращения: 24.11.16).

16. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 7. М.: Воскресенье, 1994. 395 с.

17. Макки Роберт. История на миллион долларов: Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только. М.: Альпина Паблишер, 2011. 456 с.

18. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. 600 с.

19. Маркова Д.А. Постмодернистский исторический дискурс русской литературы рубежа XX–XXI веков и его истоки: Автореферат дис. ...канд. филол. наук. М.: МГУ, 2004.

20. Достоевский Ф.М. Пушкин. Очерк // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. М.: ГИХЛ, 1958. С. 442–458.

21. Роб-Грийе Алан. Анжелика, или Чары // Иностранная литература. № 1. 2000. С. 120–191.

22. Ланин Б.А. Трансформация истории в современной литературе // Общественные науки и современность. № 5. 2000. С. 175–180.

23. Коган Л.А. Опыт драматургического человековедения (О философии Маленьких трагедий А.С. Пушкина) // Вопросы философии. № 4. 2003. С. 133–151.

24. Мединский В. Война. 1930–1945. Мифы СССР. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 320 с.

**PUSHKIN'S CONCEPT OF THE RUSSIAN MIDDLE AGES
IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S CULTURAL AND HISTORICAL DEVELOPMENT**

V.A. Fortunatova

Pushkin's artistic genius comprises the historicity of creative consciousness as its most important component. His perception of history through the prism of an individual enhances the logic of literary creation that contributes to scaling up the conflict of imagery to the level of an existential idea. The concept of the Russian Middle Ages presented in the article allows us to trace the autobiographical focus of this topic for Pushkin, his search for actions and characters, his intention to learn the lessons of historical morality and to enhance literary thinking. The Middle Ages can be viewed as a model of the poet's dialogue with the present and as a factor of an individual's orientation in the cultural and historical environment.

Keywords: transhistorism, polyconceptuality, image-concept, semiotic practice, game, dynamics, myth, archetype.

References

1. Ryaguzova L.N. *Obraz-ponyatie srednevekov'ya v ehsteticheskom soznanii XX veka // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii.* 2013. № 1 (48). S. 55–58.
2. Fortunatova V.A. *Izmeneniya kul'turnogo polyak faktor istoricheskoy dinamiki // Dialog mirovozzrenij: istoricheskaya pamyat' v usloviyah obshchestvennyh izmenenij: Materialy XIII Mezhdunarodnogo simpoziuma 27–29 maya 2015 g. / Pod obshch. red. A.V. Dahi-na. N. Novgorod: NIU RANHiGS, 2015. 202 s.*
3. Lihachev D.S. *Poehtika drevnerusskoj literatury.* Leningrad: Nauka, 1967. 372 s.
4. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v 17 t. T. 11. M.: Voskresen'e, 1996. 600 s.*
5. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v 17 t. T. 5. M.: Voskresen'e, 1994. 543 s.*
6. Fortunatov N.M. *Filologicheskij detektiv. Pushkin: zagadki Boldinskoj oseni. B. Boldino; Saransk, 2011. 244 s.*
7. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v 17 t. T. 2. M.: Voskresen'e, 1997. 1352 s.*
8. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v 17 t. T. 12. M.: Voskresen'e, 1996. 588 s.*
9. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v 17 t. T. 4. M.: Voskresen'e, 1994. 514 s.*
10. Berdyayev N. A. *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e. M.: Kanon, 2002. 448 s.*
11. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v 17 t. T. 3, kn. 1. M.: Voskresen'e, 1995. 635 s.*
12. Dognal J. *Russkaya «malaya proza» rubezha XIX–XX vekov v kontekste izucheniya evropejskih modelej mira. N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2014. 184 s.*
13. Kukanov A.M. *K probleme tradicii i novatorstva v «Ruslane i Lyudmile» Pushkina i rol' radishchevskogo nachala // Problemy poehtiki i istorii literatury: Sbornik statej Mordovskogo gos. un-ta im. N.P. Ogareva, Saransk: Izd-vo un-ta, 1973. 272 s.*
14. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v 17 t. T. 14. M.: Voskresen'e, 1996. 578 s.*
15. Aristotel'. *Poehtika [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: libok.net>writer/4021/kniga/...aristotel/poehtika/read (data obrashcheniya: 24.11.16).*
16. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v 17 t. T. 7. M.: Voskresen'e, 1994. 395 s.*
17. Makki Robert. *Istoriya na million dollarov: Master-klass dlya scenaristov, pisatelej i ne tol'ko. M.: Al'pina Publisher, 2011. 456 s.*
18. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v 17 t. T. 11. M.: Voskresen'e, 1996. 600 s.*
19. Markova D.A. *Postmodernistskij istoricheskij diskurs russkoj literatury rubezha XX–XXI vekov i ego istoki: Avtoreferat dis. ...kand. filol. nauk. M.: MGU, 2004.*
20. Dostoevskij F.M. *Pushkin. Oчерk // F.M. Dostoevskij. Sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 10. M.: GIHL, 1958. S. 442–458.*
21. Rob-Grije Alen. *Anzhelika, ili Chary // Inostrannaya literatura. № 1. 2000. S. 120–191.*
22. Lanin B.A. *Transformaciya istorii v sovremennoj literature // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. № 5. 2000. S. 175–180.*
23. Kogan L.A. *Opyt dramaturgicheskogo chelovekovedeniya (O filosofii Malen'kih tragedij A.S. Pushkina) // Voprosy filosofii. № 4. 2003. S. 133–151.*
24. Medinskij V. *Vojna. 1930–1945. Mify SSSR. M.: OLMA Media Grupp, 2014. 320 s.*